

нии римского ремесла и эволюции римского цеха, о применении наемного труда, об аграрной политике и практике города на Тибре. Автор приходит к выводу, что Рим был также производящим, а не исключительно потребительским центром. Правда, увлекшись полемикой, Н. А. Бортник излишне категоричен в требовании пересмотра тезиса об экономической отсталости Рима.

Автор собрал ценные данные о народонаселении Рима, основываясь на Туринском каталоге римских церквей XIV в. и на материалах переписи 1627 г. (отметим, впрочем, что второй источник отдален от изучаемой эпохи почти на два столетия). Автор справедливо видит слабость римских корпораций в их зависимости от папского камерария.

Центральной проблемой исследования являются народные движения. Изучены самый их ход (от глухих конфликтов до открытых восстаний), мотивы, программы и результаты, показано сложное переплетение интересов плебейства, бюргерства и дворянства в условиях жизни такого специфического центра, как папская столица. Специальное внимание уделено рассмотрению термина «народ»: включение в это понятие не только плебса и ремесленников, но и купечества на определенном этапе, особенно в период борьбы с дворянством, достаточно обосновано. Многие эпизоды социальной борьбы в Вечном городе впервые получили убедительную оценку, как, например, период правления Бранколеоне д'Андола.

Немало страниц уделено и малоизвестной истории успешной борьбы римских попованов на коммуны. Н. А. Бортнику удалось установить более точные хронологические рамки существования Римской коммуны. В работе дана систематическая критика буржуазной историографии, хотя и не всегда достаточно обоснованная: так, например, справедливо заявляя, что значительная часть буржуазных историков принижает роль народных движений или замалчивает их, автор слишком категорично говорит об отсутствии внимания к этой теме в буржуазной литературе вообще (достаточно напомнить хотя бы о работах Н. Родолико, К. Бонги и других исследователей, хорошо известных Н. А. Бортнику). Автор вводит термин «популус», хотя в нашей литературе для этой эпохи давно уже утвердился термин «пополаи», «пополанство», имеющий четкое историческое содержание и не античное, а средневековое звучание. Н. А. Бортник несколько снижает значение античных политических традиций, как реального фактора римской истории. Наконец, нам представляется необходимым, чтобы восстанию Кола ди Риенцо при изучении народных движений середины XIV в. уделялось больше внимания, ибо оно весьма показательное для решения именно тех проблем, которые поставлены Н. А. Бортником.

В заключение следует сказать о недостатках выходящих за рамки собственно научной критики. Большое количество опечаток и неточностей в выпусках сборников свидетельствует, к сожалению, о низкой издательской и типографской культуре.

Г. Л. Курбатов, В. И. Ругенбург

И. Ф. Ф И Х М А Н. ЕГИПЕТ НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ.

Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII в. М., 1965

Проблема социально-экономической истории Византии IV — VI веков неоднократно рассматривалась в исследованиях советских и зарубежных специалистов. Они и сейчас продолжают оставаться в центре внимания историков Византии. Это неудивительно. Начало средневековья как на Западе, так и в Византии ставит много сложных и глубоких проблем, решение которых наталкивается на значительные, порой непреодолимые трудности из-за недостатка личной документации. Отсутствие документации для того времени во всех частях Византии за исключением Египта, естественно, привлекает особое внимание к этому району. Вместе с тем, до сих пор за единичными исключениями исследования папирологических материалов византийского Египта не были сосредоточены на изучении вопросов ремесленного производства и производственных отношений в ремесле. Изучались главным образом аграрные отношения. Совсем мало сделано и в области изучения истории египетского города византийского времени. Эта лагуна тем более бросается в глаза, что до нас дошли ценные и разнообразные памятники египетского ремесленного производства византийского времени. Коллекции этого рода украшают собрания многих музеев и, в частности, Гос. Эрмитажа.

В 1965 г. почти одновременно вышли в свет две книги советского и польского исследователей, посвященные специально изучению египетского ремесленного производства¹. Рецензируемая здесь книга И. Ф. Фихмана рассматривает вопросы ремесленного производства в широком плане. Книга польской исследовательницы Е. Випшицкой посвящена специально изучению текстильного производства римского Египта с привлечением папирологического материала византийского времени.

¹ И. Ф. Ф и х м а н. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII в. М., 1965; Е. W i p s z y c k a. L'industrie textile dans l'Égypte romaine. Wrocław — Warszawa — Krakow, 1965.

Исследование И. Ф. Фихмана основано исключительно на изучении письменных источников — данных византийских папирусов и законодательства. Прочие данные привлекаются лишь дополнительно. Такое сужение круга источников, разумеется, нежелательно. Однако, поскольку автор не включает в круг своего изучения технические вопросы византийского ремесла, оно может быть в данном случае оправдано не только богатством папирологического материала, но и ограничением темы. В ходе изложения автор иногда привлекает выводы исследований вещественных памятников, которые были получены другими учеными.

Книга И. Ф. Фихмана представляет собой чрезвычайно тщательно выполненное фундаментальное исследование поставленной темы. В основе работы лежит обширный круг источников. Не будучи специалистом-папирологом трудно судить достаточно компетентно во всех деталях о степени полноты и качестве интерпретации папирологического материала автором. Однако даже неспециалисту бросается в глаза исключительное богатство бережно собранных автором источников и папирологической литературы, включая новейшую. В книге использованы разбросанные в многочисленных иностранных периодических изданиях публикации и статьи, как правило трудно доступные советским историкам. Прекрасный аппарат (указатель источников, предметный указатель, подробная библиография), ясность изложения и хорошее оформление книги делают ее прекрасным справочником для любого исследователя, интересующегося историей Египта, не говоря уже о византинистах.

В круг рассмотрения рецензируемой книги входят материалы, относящиеся к периоду, начинающемуся с рубежа III и IV веков н. э. и завершающемуся арабским завоеванием Египта в VII в. н. э.

Книга открывается предисловием В. В. Струве и вводной главой, в которой дана краткая характеристика современного состояния науки о социально-экономической истории византийского Египта. Автор уделяет в этой главе значительное внимание состоянию источников и определяет цели исследования. Во введении, как и в последующих частях книги, содержатся многочисленные конкретные данные по вопросам терминологии египетского ремесла. Основные три раздела исследования посвящены всестороннему анализу положения ремесленников, производству и его организации, ремесленным корпорациям. В первом разделе (стр. 15—120) дается характеристика ремесленных эргастрий, рассматриваются вопросы роли рабского и свободного труда в ремесле, сочетания ремесла и сельского хозяйства, сбыта ремесленных изделий, обучения ремеслу, ремесленных товариществ и т. д. Во втором (стр. 121—205) специально изучается вопрос о ремесленных корпорациях. В третьем (стр. 206—248) анализируется вопрос о роли ремесла в крупных имениях. Общие выводы автора суммируются в кратком заключении.

Как уже было отмечено, автор уделяет значительное внимание вопросам терминологии. В первой главе (на стр. 25—32) содержится систематизированный перечень терминов, которыми обозначаются в документах различные виды ремесла и специальности ремесленников. Обследование папирологического материала, выполненное автором, выявило более 180 терминов для обозначения ремесленной деятельности (стр. 32; ср. стр. 14). Из их числа свыше 70 терминов не встречается в папирусах довизантийского времени. Наряду с этим наблюдается исчезновение значительного числа старых терминов.

Множество терминов, применявшихся для обозначения различных видов ремесленной деятельности, — текстильного, камнеобрабатывающего, деревообделочного, металлического, стекольного, керамического, кожевенно-скорняжного, мясного, мучкомольно-пекарного производства, маслоделия, пивоварения и т. д. — рисует красочную и необычайно разнообразную картину экономики Египта того времени. Подробно аргументированный вывод автора в том, что в византийское время имеет место процесс дальнейшего развития ремесла, нашедший свое выражение в появлении большого числа новых специальностей², представляется нам весьма убедительным. Наличие ряда терминов, ранее не встречавшихся, и, с другой стороны, исчезновение многих других бесспорно свидетельствует о переломном моменте в истории Египта. Это симптоматичное явление с основанием может рассматриваться как показатель развития египетского ремесла. Подобная же смена терминологии в III — IV вв. наблюдается и в других областях византийской хозяйственной жизни³.

Если даже признать, что ряд терминов египетского ремесла дублирует друг друга, все же высокая специализация египетских ремесленников не вызывает сомнений и подтверждается данными вещественных памятников.

² Автор присоединяется в этом к мнению Ф. Хайхельхейма (F. M. Heichelheim. *Wirtschaftsgeschichte des Altertums vom Paläolithikum bis zur Völkerwanderung der Germanen, Slawen und Araber*, II. Leiden, 1938, S. 1213).

³ Аналогичный процесс резкой смены терминологии на грани III и IV вв. констатируется, в частности, в специальных исследованиях по истории римского права. См., например, F. Wieacker. *Vulgarismus und Klassizismus im Recht der Spätantike*. Heidelberg, 1955 (Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Kl.), S. 43 und passim.

И. Ф. Фихман справедливо подчеркивает большое первостепенное значение ткачества, которое после сельского хозяйства «было самым распространенным занятием в Египте» (стр. 15). Продукты ткацкого производства, оставшегося и позднее (в первые века после арабского завоевания) в руках коптов, широко экспортировались и поставлялись для армии и государственного аппарата. Сохранившиеся до нашего времени изделия египетских ткачей, а также чрезвычайно дифференцированная терминология подтверждают правильность этой характеристики⁴.

И. Ф. Фихман далее разбирает вопрос о тех условиях, которые обеспечили возможность столь успешного развития египетского ремесла в византийское время. Он обращает внимание на наличие достаточной сырьевой базы, постоянного рынка сбыта продукции, удобного географического расположения, и на многовековую традицию ремесленного мастерства. В этой связи автор затрагивает важную проблему отражения в Египте кризиса с рабочей силой, охватившего империю в IV в. Имеющиеся данные, по его мнению, говорят о том, что, хотя Египет и не мог полностью избежать участи всей империи, все же в целом «египетское ремесло было в достаточной мере обеспечено квалифицированной рабочей силой» (стр. 22).

Судьбы египетского ремесла, ставившие его в более благоприятное положение по сравнению с другими районами, обуславливались тем, что даже в римское время, «когда число рабов, занимавшихся ремеслом, несомненно возросло, ремесло все же оставалось занятием свободных, и поэтому кризис рабовладельческой системы, столь сильно сказавшийся на состоянии ремесла в западных провинциях и вынудивший правящие круги пойти на закрепощение наиболее важных для государства категорий производителей, проявился значительно слабее в Египте» (стр. 19—20). Из этих слов вытекает, что автор как будто бы не усматривает существенной разницы в отношении обеспечения рабочей силой египетского ремесла в довизантийский и византийский периоды. Роль рабского труда и в довизантийское время была в египетском ремесле незначительной.

Однако в ходе своего дальнейшего изложения автор вносит в эту картину существенные уточнения, которые дают основание говорить о новых тенденциях развития в византийское время. Значительное внимание, которое уделено в книге подробному рассмотрению проблемы соотношения рабского и свободного труда в двух специальных параграфах первой главы (стр. 47—70), безусловно оправдано важностью этого вопроса. И. Ф. Фихман несомненно прав, когда указывает на недостаточность данных, содержащихся в византийском законодательстве, для суждения об удельном весе рабов-ремесленников. Значительно больше сведений содержит папирологический материал, хотя и он, «при всем его относительном обилии, не позволяет, к сожалению, установить с исчерпывающей полнотой и достоверностью значение рабского труда в ремесле». Трудности представляет несомненно и точная интерпретация терминов, так как нередко рабы обозначались терминами, которые могли обозначать и сына, и слугу, и свободного ученика (стр. 57).

Тем не менее, при всех этих оговорках и при всей свойственной исследователю осторожности, ему удалось собрать убедительные данные для очень важных заключений. Он отмечает, что «несомненные рабы-ремесленники встречаются только в документах первой половины IV в.»⁵.

О V веке нет материалов для суждения, так как единственное упоминание о рабе-ремесленнике стоит под вопросом⁶. Зато для VI века данные папирусов дают определенный ответ. «Несмотря на большое число дошедших до нас папирусов, в нашем распоряжении нет ни одного документа, определенно свидетельствующего о рабах-ремесленниках» (стр. 60).

Если вслед за автором рецензируемой книги даже внести ту поправку, что наши сведения неполны, так как из Александрии не дошло папирологических материалов, где, возможно, рабский труд находил применение в ремесле в государственных мастерских, все же картина остается достаточно ясной: не приходится сомневаться в том, что в византийское время в Египте рабский труд имел в ремесле незначительное применение. «Ремесленники — это в основном свободные, которым нередко помогали в работе члены семьи, подсобные работники, ученики — также свободного

⁴ В сноске 7 (стр. 15) автор приводит список терминов, обозначавших египетские ткацкие изделия. Он значительно дополняет аналогичный перечень, приведенный в книге A. C. Johnson, L. C. West. *Byzantine Egypt: Economic Studies* Princeton, 1949, p. 124. Нам представляется, однако, что к этому списку требовалось бы дать объяснение. Следовало бы указать, почему в этот список включены такие термины, которые носят на себе черты иного географического происхождения; сказать, что речь идет об изделиях, изготовленных по образцу завезенных из других провинций. Ср., например, термины: *δελματική, δελματικόν, κλιχίον*.

⁵ И. Ф. Фихман ссылается на данные: P. Lips. 97; P. Lips. 26; P. Lond. III, 983; P. Stud. Pal. XX, 106 (?).

⁶ В P. Kl. Form. 1014 (C. Wessely. *Griechische Papyrusurkunden kleineren Formats*. Leipzig, 1906—1908) сохранилась только одна строка, да и то не полностью. Упоминаемый в папирусе термин *παῖς* мог означать и раба, и сына, и ученика. Ср. о значении этого термина в рецензируемой книге, стр. 60.

происхождения» (стр. 61). Даже в крупных имениях, где скорее всего мог находить применение рабский труд, как указывает автор, он играл второстепенную, ни в какое сравнение не идущую со свободным трудом, роль (стр. 62).

Следует отметить, что к подобному же выводу пришел и автор второй, названной нами, работы в отношении роли рабского труда в текстильном ремесле. Е. Вишницкая указывает, что для ремесленников этой специальности рабы были редкостью⁷.

И. Ф. Фихман пришел к заключению, что «невыгодность рабского труда проявилась с особой силой в византийское время, представляющее собой период глубокого уклада рабовладельческих отношений» (стр. 62). Вместе с тем, по мнению автора, несмотря на незначительную роль рабского труда в ремесле, «вся совокупность отношений, господствовавших в ремесленном производстве, находилась еще под известным влиянием правовых норм и мировоззрения рабовладельческого общества». При всей справедливости этого замечания, следует принять во внимание и то, что известное влияние правовых норм и мировоззрения рабовладельческого общества может быть констатировано не только в этот период в Египте, но едва ли не на всем протяжении истории Византии во всех ее районах. Рабство в Византии юридически никогда не было отменено.

В ходе своего дальнейшего изложения автор сообщает много интересных данных, которые с разных сторон освещают вопрос о положении египетских ремесленников. Среди прочих многочисленных аспектов проблемы значительное внимание уделено ремесленникам, работавшим по найму. Так, например, И. Ф. Фихман отмечает, что в трудовых договорах стороны отнюдь не являлись равноправными (стр. 97): «Работник ставился договором в худшие условия, чем работодатель» (стр. 108). Не говоря уже о том, что работник гарантировал выполнение взятых обязательств лично и имущественно, в то время как работодатель ничем таким не рисковал, штрафы за нарушение договора грозили работнику всегда, работодателю лишь изредка. Очень важно также то, что в тех случаях, когда договору предшествовала выдача задатка, отношения работника к работодателю принимали кабальный характер (стр. 105). Наемный работник — мисфий — в течение срока действия договора был подвластен работодателю (стр. 102).

Как указывает автор, труд мисфиев применялся в египетском ремесле не только у товарищей по профессии, но и в крупных имениях (стр. 91). Наемный труд был отнюдь не эпизодическим, а весьма распространенным явлением в интересующую нас эпоху (стр. 97) и естественно мог явиться одним из источников эксплуатации свободных людей. К сожалению, автор не дает здесь сведений о соотношении между наемным трудом в ремесле византийского времени и в предшествующий период. Поэтому остается неясным, в какой мере мы и здесь можем предполагать какую-либо эволюцию.

Приведенные в главе материалы, соображения о наследственности ремесла, сведения об ученических договорах — дидаскаликах, трудовых соглашениях, женском труде, ремесленных товариществах чрезвычайно интересны и подкупают своей конкретностью. В краткой рецензии немисливо осветить все стороны этой проблемы. Хотелось бы обратить внимание на заключительные замечания автора в этой главе.

Папирологический материал позволил автору установить изменение отношения к труду, которое наблюдается в данную эпоху по сравнению с предшествующей. И. Ф. Фихман справедливо ставит в связь эту перемену во взглядах на труд с ломкой рабовладельческого мировоззрения (стр. 119). Разумеется, в Византии эта перемена взглядов оставалась и позднее весьма относительной, на что указывает и автор, ссылаясь на памятники законодательства.

Вторая большая глава книги посвящена вопросу о ремесленных корпорациях⁸. Помимо терминологических и источниковедческих вопросов, в ней дана подробная характеристика различных типов ремесленных корпораций византийского Египта (корпораций, полностью подчиненных государству, независимых и,

⁷ E. Wipszucka. *L'industrie textile...*, p. 73. К этому можно добавить, что в опубликованном уже после выхода в свет рецензируемой книги XXXI томе Оксиринских папирусов [The Oxyrhynchus Papyri, Part XXXI, ed. by J. W. B. Barns, J. Rea. E. G. Turner. London. 1966 (Graeco — roman Memoirs. 45)], так же как и в других материалах, изданных в последнее время, вывод И. Ф. Фихмана нашел новое подтверждение. См. И. Ф. Фихман. Еще раз о ремесленном производстве в позднеримском Египте. — ВДИ, 1968, № 3.

⁸ Автору рецензируемой книги принадлежит ряд статей по этой теме. Ср., например, И. Ф. Фихман. К вопросу о корпоративной взаимопомощи в византийском Египте. — «The Journal of Juristic Papyrology», vol. XV. Warszawa. 1965, p. 91—97; его же. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности ремесленных корпораций позднеримского Египта. — ВДИ, 1965, № 3, стр. 146—153; его же. К характеристике корпораций византийского Египта. — ВВ, XVII, 1960, стр. 17—27; его же. Еще раз о ремесленном производстве в позднеримском Египте.

наконец, корпораций, зависимых от крупных землевладельцев). Поскольку ремесленные корпорации играли огромную роль в ремесле византийского Египта, так как они составляли подавляющее большинство документально засвидетельствованных объединений ремесленников, большое значение этого раздела книги вряд ли требует здесь специального обоснования. Материалы главы выявляют существование в Египте, несмотря на нивелирующую деятельность Византийского государства, глубоких различий в степени подчинения корпораций государству и в формах их использования государством. Помимо того, даже «свободные» от контроля государства корпорации не были единообразными. Большинство корпораций состояло из свободных, самостоятельно работавших ремесленников. Прочие — из лиц, зависимых от крупных землевладельцев. В заключении к данной главе, содержащей изобилие конкретных сведений (о прикреплении работников и их имущества к ремеслу в полностью подчиненных государству корпорациях, о чертах демократизма и видимости автономии независимых корпораций, о степени власти главы корпорации, о роли гоуха как посредника между государством и членами корпорации в крупных имениях, и т. д.), автор обращается снова к вопросу о специфике данной эпохи по отношению к предшествующей.

Несмотря на трудность ответа на этот вопрос вследствие недостатка сведений в источниках, он все же намечает следующие специфические черты корпоративного устройства византийского Египта.

1. Огромный рост абсолютной численности корпораций за счет увеличения числа профессиональных корпораций. Исчезновение корпораций культового и других типов. 2. Растущее подчинение ремесленных корпораций государству, превратившему наиболее важную для него категорию корпораций в корпорации «принудительного» типа. Использование государством корпораций для сбора налогов с ее членов и выполнения государственных повинностей, поставок и заказов. 3. Сосредоточение власти в руках единоличного главы корпорации при внешнем сохранении видимости демократического устройства.

Что касается эволюции в рамках византийского периода, то И. Ф. Фихман указывает единственную черту, которую ему удалось проследить: «переход от коллективного руководства (минархи начала IV в.) к единоличному, и появление в VI в. (возможно, и раньше) корпораций, зависимых от крупных землевладельцев» (стр. 205). Новизна и важность этих выводов для византиноведения очевидны.

Поскольку в довизантийский период единственным крупным потребителем ремесленных изделий Египта являлось Римское государство, естественно, что исследователь истории египетского ремесла не может не поставить вопрос, в какой мере такое положение оставалось в силе и в византийский период. Результаты исследования И. Ф. Фихмана и его предшественников приводят к выводу, что с IV века н. э. важным центром потребления ремесленных изделий и ремесленного производства становится крупное светское и церковное (монастырское) имение. Наряду с городами (Александрией, Арсиной, Антиной, Оксиринхом, Ермуполем, Ираклеуполем, Панополем и др.) — имения выступают как средоточие ремесленного производства, которое являлось в них, однако, главным образом средством удовлетворения собственных потребностей (стр. 23, 206, 251). С IV века, в связи с переходом различных категорий земель в частную собственность, были созданы условия для образования крупного землевладения. Многочисленные источники VI века засвидетельствовали безуспешность попыток византийского правительства приостановить этот процесс (стр. 207). В главе, посвященной изучению этого вопроса⁹, подробно анализируется состав ремесленников, обслуживавших имение, формы использования их труда, приводится сводка папирологических данных, характеризующих обеспечение имений ирригационным и прочим оборудованием и т. д. Автор особо выделяет вопрос о ремесленном труде в монастырях, где наряду с трудом ремесленников-профессионалов, применялся труд самих монахов (стр. 208 и сл.).

Из предшествующих исследований таких известных египтологов и византинистов как Гельцер, Шнебель, Руяр, Харди, Левченко, а также из данных, собранных И. Ф. Фихманом, положение ремесленников в крупном имении может быть охарактеризовано как весьма тягостное. Ремесленники подвергались двойной форме принуждения. Наряду с принуждением, опиравшимся на государственное законодательство, защищавшее интересы работодателя, существовало и принуждение, осуществлявшееся силой и властью земельного собственника (вуккеларии, тюрьмы и т. д.) (стр. 251).

Мы рассмотрели содержание рецензируемой книги, во многом обогатившей нашу науку непривычным для византиниста обилием конкретных документальных сведений. Однако нам представляется, что ценность этой книги не исчерпывается только собранным фактическим материалом, едва ли не впервые представленным в такой полноте. Гораздо важнее то, что книга позволяет на основе этого материала

⁹ Основная масса папирологического материала относится к владениям Апионов, земли которых были разбросаны по огромной территории.

ла высказать в достаточной мере аргументированное суждение о характере социально-экономических отношений в Египте в эту сложную эпоху.

В ходе рассмотрения книги уже было отмечено, что И. Ф. Фихман определяет изучаемый им период истории Египта как период глубокого разложения рабовладельческих отношений. В заключении к книге (стр. 251) он существенным образом дополняет сказанное раньше. Автор указывает, что все собранные им данные говорят о становлении в византийском Египте феодальных отношений. Данные эти следующие: «резкое снижение по сравнению с римским Египтом удельного веса рабского труда в сочетании с ростом значения труда свободных ремесленников, мелкий характер производства, большое развитие профессиональных объединений, роль крупного имения как производителя и потребителя ремесленных изделий». Становление феодальных отношений в Египте «не сопровождалось, однако, как на Западе, сильной натурализацией хозяйства».

Интересно отметить, что и польская исследовательница Е. Вишницкая еще с большей определенностью рассматривает период, начинающийся с IV века, как рождение новой социальной — феодальной — формации (structure)¹⁰.

К сожалению, И. Ф. Фихман свои принципиально важные и новые выводы формулировал лишь в заключениях, в слишком лапидарной форме. Это оставляет читателя неудовлетворенным. Хотя эти выводы вытекают из всего собранного и проанализированного в книге материала, и их обоснованность можно проследить и проверить в соответствующих разделах книги, все же их следовало бы рассмотреть специально и более развернуто.

В целом книга И. Ф. Фихмана является большим, ценным и серьезным вкладом в историческую науку.

Е. Э. Липшиц

М. А. ЗАБОРОВ. ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИЮ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Латинская хронография XI — XIII вв.).

Москва, изд-во «Наука», 1966, 382 стр.

Исследование на данную тему и притом в широком масштабе впервые появилось в медиевистике, советской и зарубежной. Хроники крестовых походов изучались многократно и пристально, но по преимуществу в источниковедческом плане, каждая в отдельности или небольшими группами. М. А. Заборов подверг их совокупность историографическому комплексному анализу, поставив целью выяснение исторических концепций хронистов и идейного содержания их трудов.

Задача вдвойне интересна. Прежде всего, потому, что такой методологический прием, будучи приложен к изучению одной, но целостной группы хроник, дает возможность проанализировать развитие исторических концепций хронистов, детально и максимально обоснованно. Затем, трудно найти в обширной средневековой хронографии материал, лучше приспособленный для решения поставленной задачи. Ни один цикл национальных хроник не обладает таким большим числом произведений, написанных одновременно, причем произведений оригинальных и ярко индивидуальных, посвященных одной и той же теме авторами различных национальностей и различного социального положения. Всему арсеналу методов исторического исследования в данной области предоставлен широчайший простор именно на материале крестовых хронографий.

М. А. Заборов прекрасно владеет своим обширным и достаточно сложным материалом, группируя его по тем или иным вопросам с завидной непринужденностью. Столь же свободно ориентируется он в обильной литературе, а она — это важно отметить — гораздо шире избранного профиля работы, будучи посвящена не только крестовым хроникам, но и всему крестовому движению в целом. Солидная эрудиция М. А. Заборова, давно работающего в этой области медиевистики, проявилась в полной мере.

Выводы автора интересны и свежи. Ему удалось решить поставленную задачу: идейное содержание хроник выявлено им с большой полнотой и доказательностью. Столь же убедительно показана динамика развития крестовых хронографий. Эта эволюция, происшедшая за срок по средневековым масштабам очень короткий

¹⁰ E. Wipszycska, L'industrie textile dans l'Égypte romaine, p. 8; ср. p. 91. Е. Вишницкая, в отличие от других исследователей истории Египта, рассматривает конец III в. и IV в. в рамках истории римского Египта. Она мотивирует такую периодизацию двумя соображениями — переходным характером периода III—IV вв. и изобилием папирологического материала для IV в. Этот пересмотр периодизации вызвал справедливые, на наш взгляд, возражения И. Ф. Фихмана в его рецензии на книгу Е. Вишницкой (ВДИ, 1966, № 4, стр. 192). И. Ф. Фихман прав, когда указывает, что специфика периода определяется в первую очередь соотношением нового и старого. В IV же в. «преобладающим и определяющим было именно новое, византийское», — пишет он.